

Игорь ИЛЬЮШИН

ПЛОХО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ:

О НОВОЙ КНИГЕ ВЛАДИМИРА ВЯТРОВИЧА

Володимир В'ятрович. Друга польсько-українська війна 1942–1947.

Київ: Видавничий дім “Києво-Могилянська академія”, 2011.

228 с. Іменний та географічний покажчик. ISBN: 978-966-518-567-3*

Нельзя не приветствовать тот факт, что за освещение самой спорной темы украинской и польской историографии и наиболее болезненной проблемы современных взаимоотношений двух соседних народов берутся представители молодого поколения профессиональных историков. Новый взгляд на прошлое, “переписывание” истории другим поколением является естественным процессом. Однако для *исследователя-ученого* это оправдано лишь при том условии, если он стремится придерживаться определенных принципов объективности, а не подходит к истории инструментально. Осознание того, что мы никогда не можем быть полностью объективны – это одно, а сознательное, идеологически мотивированное, искусственное конструирование “новых” схем или подходов к истории – совсем другое.

Кратко говоря, заявленная Владимиром Вятровичем в его работе “Вторая украинско-польская война 1942–1947” “собственная, достаточно отличающаяся от других концепция украинско-польского конфликта” (С. 6) состоит в том, что во время Второй мировой войны

---

* Перевод с украинского С. Грачовой.

имела место еще одна война между “соседними нациями” (С. 33), в ходе которой обе воюющие стороны совершили равнозначные военные преступления (С. 28). Такое понимание и объяснение польско-украинского конфликта выглядит гуманнее, чем преобладавшее ранее в украинской историографии, и в наиболее выразительной форме представленное в трудах Владимира Сергийчука. Суть его следующая: коренной (автохтонный) этнос, которым на Волыни и в Восточной Галиции всегда были украинцы, имеет право защищать свои права как поработанного народа. Соответственно “дискуссии о том, к каким методам и формам борьбы должна была прибегать Украинская повстанческая армия” неуместны.¹

Однако является ли концепция В. Вятровича действительно новой и, главное, позволяет ли глубже понять и объяснить указанные события, чем уже существующие в отечественной историографии интерпретации? В свое время во вступительной статье к 24-му тому “Летописи УПА” известный деятель бандеровского движения Мирослав Прокоп написал:

...известно также, что на Волыни, а кое-где и в Галиции имели место кровавые репрессии украинцев против местных поляков; известно, что произошло своеобразное принудительное выселение польских колонистов с украинских земель, жертвой которого пало много поляков, в том числе и мирных жителей... Нет сомнения, что акции взаимного уничтожения со стороны украинцев и поляков обычно имели характер “самообороны” и “отплаты”, но дело в том, что жертвами этих акций становились часто совершенно невинные люди... Взаимная борьба между украинцами и поляками во время войны требует от ответственных кругов обоих народов серьезного анализа и оценки этой недавней трагедии в их жизни...²

С взглядом, который выразил через много лет после войны ее участник М. Прокоп, вполне соотносима и “собственная, достаточно отличающаяся от других концепция украинско-польского конфликта” современного ученого, далеко не дилетанта В. Вятровича. Однако задача, которая все еще стоит перед украинской историографией, состоит в осмыслении того факта, что характер и цель антипольских действий бандеровских вооруженных формирований на землях Волыни и Восточной Галиции были, мягко говоря, несколько иными, чем действия польских военных формирований на тех же территориях. Чтобы это

¹ Володимир Сергійчук. Трагедія Волині. Причини й перебіг польсько-українського конфлікту в роки Другої світової війни. Київ, 2003. С. 71.

² Літопис УПА. Ідея і чин: орган проводу ОУН, 1942–1946. Торонто; Львів, 1995. Т. 24. С. 20–21.

понять, нужно хорошо представлять фон, на котором совершались действия тех и других национальных повстанческих отрядов. К сожалению, сосредоточившись на украинско-польском конфликте, Вятрович как-то забыл, что он имел место в обстановке настоящей, а не вымышленной войны, события которой больше, чем что-либо иное, влияли на перипетии украинско-польского военно-политического противостояния. В книге этот фон представлен недостаточно четко, как, между прочим, не проанализированы и основные этапы развития и деятельности украинского и польского националистического подпольно-повстанческого движения. Без этого невозможно в полной мере понять ситуацию, которая сложилась на Волыни и в Восточной Галиции во время нацистской оккупации, а также мотивы решений участников тех событий.

Во-первых, как мы показали в своих работах,³ не существовало непосредственной связи между убийствами польскими партизанами украинских войтов, солтисов, полицаев, а кое-где и простых крестьян на Холмщине и Подляшье (во время гитлеровской депортационной акции в Люблинском дистрикте в конце 1942 – начале 1943 года) и последовавшими антипольскими действиями бандеровских отрядов УПА на Волыни весной-летом 1943-го. Документы бандеровского подполья убеждают в том, что среди прочих факторов именно стратегические соображения сыграли определяющую роль в решении ОУН(Б) действовать на Волыни жесткими методами, уничтожая волыньских, а позднее и галицких поляков. Поражение вермахта под Сталинградом и отступление с Волги дали лидерам ОУН(Б) основания предполагать, что Германия, скорее всего, проиграет войну и на Западную Украину вернется Красная Армия. Местные поляки в этой ситуации будут мешать борьбе УПА с Советами. То, что советские партизаны на Волыни и в Полесье, не говоря уже о Галиции, найдут поддержку только в польских колониях и селениях, стало понятно уже в 1942 году. Собственно, вследствие такого понимания ситуации Краевое Управление (Крайовий Провід) ОУН(Б) на Волыни и в Полесье во главе с Д. Клячковским (Клым Савур) принял решение о “деполонизации” этих земель.

Во-вторых, внимания заслуживает сам термин “деполонизация”, который означает сознательную кампанию очищения территории от

³ Игор Ільющин. Протистояння УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої світової війни на тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні. Київ, 2001; Idem. Волинська трагедія 1943–1944 рр. Київ, 2003.

имеющегося там польского населения. К слову, такое определение характера, масштаба и результатов акций отрядов УПА на Волыни и в Восточной Галиции не является измышлением польской историографии, а подтверждено многочисленными рапортами, подписанными командующими УПА И. Литвинчуком (Дубовый), М. Левицким (Славута), И. Климишиным (Крук), Д. Кавзаном (Чернык), Д. Коринцом и многими другими, в том числе исполнительными референтами Службы безопасности ОУН(Б). Антиукраинские “акции возмездия” подразделений 27-й Волынской пехотной дивизии Армии Краевой (АК), имевшие место при создании оперативной базы для борьбы с немцами в рамках так называемой операции “Бужа” (Буря) в январе-марте 1944 года, лишь в миниатюре напоминали действия бандеровских отрядов против польского гражданского населения на территории той части Волыни и Восточной Галиции, которая до войны принадлежала Польше и в конце войны оставалась предметом территориальных споров. Тогда польские отряды также “зачищали” от украинского гражданского населения район боевых действий и совершили многочисленные военные преступления. Однако у местных поляков не было ни намерений, ни необходимости, ни даже возможности “деукраинизировать” всю Волынь и Восточную Галицию или хотя бы один из этих районов. Отсюда и такая очевидная разница в количестве украинских и польских жертв во время этого конфликта в Западной Украине.

Еще в 1994 году в интервью газете “Rzeczpospolita” (№ 3) известный львовский историк Ярослав Дашкевич отметил:

Не подлежит сомнению, что украинский террор в 1942–1944 гг. относительно польского населения в Западной Украине заслуживает сурового и безусловного порицания. Даже если пытаться его оправдать – как это делает украинская сторона – идеями возмездия за польские притеснения, провокациями русских и немцев, сотрудничеством А[рмии] К[райовой] с коммунистической Россией, преступлениями той же АК и польского в своей основе гитлеровского Крипо, нападениями польских сел на украинские, уничтожением украинской интеллигенции на Холмщине и т.д.

Жаль, что наш молодой коллега Вятрович не прислушался к мысли уважаемого отечественного исследователя и отнюдь не полонофила Дашкевича, а принялся в который раз реанимировать ту интерпретацию, которую задолго до него выдвигали вышеупомянутый М. Прокоп, Л. Шанковский, В. Косык и некоторые другие украинские историки из диаспоры.

SUMMARY

In his comment on *The Second Polish–Ukrainian War*, Ihor Iliushyn addresses V’iatrovych’s claim about advancing a new and original interpretation of the Ukrainian–Polish conflict during World War II. He argues that this interpretation is neither new nor original. In fact, according to Iliushyn, V’iatrovych follows a well-established tradition of Ukrainian diaspora historiography in creating a false equivalency between Ukrainian and Polish crimes against civilians. To this interpretation, Iliushyn juxtaposes his own findings, which demonstrate that there was no direct connection between the Polish terror against Ukrainians (mostly those who collaborated with Nazi authorities) in 1942–47 and the ethnic cleansing of the Polish population perpetrated by Ukrainian nationalists in 1943–44. These two campaigns, Iliushyn argues, were different in both scale and motivation, and any attempts to equate them end up justifying the unjustifiable.